

Молодость

" МОЛОДОСТЬ "

№ 9

46037

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТЕРАТУРНО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.

№ 46037

Библиотека Томского
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

Редколлегия:

Т.Чернов (отв. редактор), Г. Ястребчикова,
Л. Толмачев, В. Голубев.

Томск,

Май

1947 г.

В 1937 году группа студентов литературного факультета, занимавшихся художественным творчеством, выпустила первый номер рукописного журнала "Молодость".

Сейчас многие из писавших в журнале "Молодость" т.т. П.Моряков, Ю.Стрехнин, А.Дремов, В. Досевин и др. ^{печатаются} ныне на страницах "Большой печати". Журнал продолжал выходить до самой Отечественной войны. В военные годы по многим, вполне понятным обстоятельствам, выпуск "Молодости" прекратился.

В этом году мы, студенты - участники литературного кружка, возобновляем славную традицию выпуска рукописного литературно-художественного журнала. Мы сохранили его старое название - "МОЛОДОСТЬ"

Это слово прекрасно выражает цели журнала - отразить в нем мысли и чувства нашей студенческой молодежи; дать простор для реализации ее творческих возможностей в области научной работы, критики литературного творчества.

Мы хотим предоставить страницы нашего журнала для всех начинающих, делающих первые шаги, и для тех, кто уже отошел от начала и может быть учителем для других.

Пусть со страниц нашего журнала "МОЛОДОСТЬ" заговорит полным голосом молодой человек нашей эпохи, человек, окрыленный великими надеждами, бодрый, жизнерадостный, посвятивший свою молодость творческому вдохновенному труду и учебе на благо нашей Родины.

Товарищи студенты и аспиранты!

Посылайте нам свои стихи, рассказы, поэмы, повести, этюды и исследования из всех областей знания: истории и математики, литературоведения и естествознания - всех наук, которые вы изучаете.

Присылайте ваши замечания о произведениях, помещаемых в журнале, и ваши заметки о прочитанных книгах для библиографического отдела журнала.

Редколлегия "МОЛОДОСТИ" проникнута стремлением достигнуть того, чтобы содержание журнала находилось на высоком идейно-политическом уровне, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП/б/ - о повышении идейности литературы, вдохновляющими нашу интеллигенцию на плодотворную работу по воспитанию советской молодежи в духе великого учения Ленина-Сталина. -

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

Г. БРУСЬЯНИН.
ст. 1-к. Литфака.

Ко дню Победы.

Сами могут прийти
лишь беды,
А счастье
борьба рождает.
Девятого мая
пришла победа,
Желанная
и дорогая
В разрыве бомб,
на остриях
штыков,
В биении сердец
свободой
и солдатушкой
В Берлинских улицах,
сломя
врагов
Советской силой,
волей и оружием.
Её принес боец,
бросаясь в бой
За справедливое,
родное дело,
Её ковал
в подпольи
Ковшевой.

И смертью
                    возродил
                                    Гастелло.

Её послал
                    рабочий
                                    от станка

Сверх нормы
                    данной
                                    деталью,
Она пришла
                    надежна
                                    и крепка

От сталваров
                    первоклассной
                                    сталью,

Её послал колхозник,
                                    Рыболов.

На поездах
                    с зерном и рыбой,

Она пришла
                    от знатных
                                    пастухов,

Её послал писатель
                                    с новой
  книгой.

Её послали все,
                    кто трудится у нас,

Все те,
                    кто на равнине счастья встали.

Её послал, отдав войскам
                                    приказ,

Наш мудрый
                    полководец СТАЛИН.

И вот теперь мы с праздничною песней

Идем по улицам свободны и сильны.

Мы счастливы, но что-б еще чудесней

Настали праздники и радость для страны,

Нам праздновать, излечивая раны,

Растить полетом, устремляясь в небо,

Лыжа четвертым пятилетним планом,

Смеяться новым урожаем хлеба. -

Т. Чернов
ст. Т.К. Инфака.

СНОВА СТУДЕНТ

(рассказ)

Капитан Кузнецов стоял у раскрытого окна вагона. Поезд мчался по знакомым местам родной Сибири. Плыли безлесные равнинные поля, усеянные сучьями убранный ржи, мелькали перелески, с густыми зарослями кустарника, сметанными стогами сена и мелкими озерами, тянулись сплошные массивы леса дремучей сибирской тайги...

Пять лет прошло с тех пор, как Вася Кузнецов, студент первого курса института, уезжал в армию, и также, как теперь, смотрел, только прощальным взором, на эти милые, знакомые с детства, места...

До города оставались считанные километры и Василий все чаще и нетерпеливее поглядывал то на часы, то на самого себя. Был он высокого роста, строен и подтянут; шерстяные бриджи ловко сидели на нем, обтягивая икры; из голенищ хромовых сапог тянулась узенькая полоска малинового канта, ватем она пробегала по рукавам и перебрасывалась на воротник, плотно облегающего кителя. Блеск начищенных пуговиц,

поволока новеньких погон и сияющее выражение лица, говорили о его торжественном, праздничном состоянии. Он думал о том, как сейчас встретится с родными: узнают ли они его? Ведь тогда он был хлипшим юношей, а теперь это закаленный воин, ветеран, у которого грудь в орденах... Да и они, наверное, сильно изменились, постарели, особенно мать. Теперь она стала совсем старушкой, после того, как пережила гибель двух младших сыновей. Сколько седых волос прибавилось на ее голове?! Сколько морщинок пролегло на ее лице...

Волновала его также и встреча с Таней, подругой детства: с ней он когда-то вместе кончил школу, вместе поступал в Институт, вместе выбирал профессию... Когда они расставались, то поклялись не забывать друг друга, чтобы их в будущем не ошело. Теперь она уже закончила Институт и работает. Может уже забыла про него, потеряв надежду на его возвращение... Последний год у них не вышло с перепиской. Правда, отчасти по его халатности, однако, несмотря на это, он почему-то был уверен, что она его все-таки ждет...

Поезд подходил к станции и Василий уже отчетливо различал белое здание городского вокзала, откуда раскрывался сам город с его многочисленными деревянными домишками, хаотически разбросанными по низинам и холмам, с его фабрично-заводскими трубами, облупленными старыми куполами церквей и белыми корпусами учебных заведений, утопавших в пышной листве садов...

При виде родного города сердце Василия радостно билось. Хотелось выпрыгнуть из вагона и прищипать облететь весь город. Он мысленно напевал:

"Город родной из туманов встает,
Сердце обнять его хочет..."

На вокзале было много встречавших. И хотя Василий знал, что его никто не встретит, потому что не давал телеграмму /решил, по традиции военной, явиться внезапно/, однако долго всматривался в лица публики. Но лица были чужие, незнакомые.

Привычной, торопливой походкой шагал он по знакомым улицам. Город сильно изменился: на окраине, где когда-то был пустырь, теперь возвышалось огромное здание завода, около которого стояли стандартные коробки рабочих общежитий. По улице, идущей от вокзала в город, строилась трамвайная линия... Только мелкие, частные домишки постарели, опустились, покосились ворота, обрушились заборы. Сады местами поредели и стояли без оград; люди шли через них, сокращая кварталы. Василий тоже шел прямым путем, - близость встречи с родными волновала его. Душа от радости трепетала, пела любимую им песню:

"Пусть широко распахнулась дверь,
Свалена на бок ограда.

Я возвратился, а дома теперь,
Лучшего счастья не надо..."

Неожиданно он очутился на своей улице, против своего дома. Ворота были широко распахнуты; около крыльца его квартиры стояла старушка и развешивала белье. Когда Василий подошел ближе, то узнал в ней свою мать. Сгорбленная, осунувшаяся, с густыми морщинами на лице, она держала в одной руке стопку белья, второй расправляла его на веревке. Увидев незнакомого человека, она полоригинально взглянула, и, не прекращая своей работы, спросила: - Вам кого, гражданин военный?...

Василий не знал, что ответить: было смешно и жалко. Хотелось крикнуть: "Мама, так ведь это же я!" Каким-то усилием воли он сдержал себя, задышался от волнения, переспросил:

- Мне?... Мне... нужно увидеть Петра Кузнецова, - сам не зная, для чего сказал он.

- Есть такой, - ответила старушка, - подлеме... И с бельем в руках она повела его в квартиру.

Когда Василий перешагнул порог, то увидел: около окна, как прежде, сидел отец с дымящей сигаркой в зубах и бойко стучал молотком по подошве сапога. Годы отложили на нем свой отпечаток, но он еще выглядел бодро.

- К тебе, Петр, - проговорила мать и, повернувшись, уже собралась уходить, как вдруг отец, вскочив с табуретки, остановил ее:

- Наталья, так ведь это Васыка наш!...

Мать обернулась, белое вывалилось из ее рук, полкочились ноги и она упала на руки сына.

х х

х

В этот вечер Таня была дома. Она только что вернулась с работы и собиралась в театр. В тот момент, когда она стояла у зеркала и укладывала волосы, в комнату вошла мать.

- Таня, там к тебе какой-то военный пришел.

- Ко мне? - С удивлением переспросила Таня.

"Кто-ж это может быть?" Знакомых военных у нее, кажется, нет... "Неужели он?".. Но почему же он не сообщил?"..

Торопливо воткнув прищипку, и наскоро поудрившись, Таня вышла из комнаты.

Военный стоял у порога, лицом к двери и старательно вытирал ноги. "Нет, не он", - решила Таня. Высокая, даже несколько солидная фигура, в блестящем офицерском мундире напомнила ей лейтенанта, с которым она однажды танцевала в ДКА. Только зачем он к ней? Ведь они же совсем не знакомы...

- Вы ко мне? спросила она, входя в переднюю, - пожалуйста, пройдите сюда...

"Не узнала", - подумал про себя Василий, и торопливо шагнул в комнату.

Около стола стояла грациозная, в новом шелковом платье, с модной прической и свежим приятным лицом Таня

Василий встал в неподвижной выжидательной позе.

Таня вдруг отшатнулась в сторону, глава ее широко раскрылась, она бросилась к нему, почти воскликнув:

- Вася! Неужели это ты?!...

Василий подхватил ее и поцеловал в губы.

- А, Танюша, а... Разве ты не узнала?

- Ой, Вася, совсем не узнала... Так изменился, так изменился...

- И ты тоже сильно изменилась... похорошела...

На шум в комнату прибежала старушка-мама.

- Мама, мамочка, это же Вася Кузнецов... Помнишь, как-то к нам приходил, когда я в школе училась... Такой скромный, молчаливый...

- А я и не узнала вас, Васенька, - встретившись, протянула ему руку старушка. - Простите, что продержала у порога: изменились уж очень... Ишь каким стали молодцом! А орденов-то сколько нацепили!...

- Так ведь пять лет прошло с тех пор, Анна Ивановна. Многое за эти годы изменилось... Я вот город свой и то не узнал...

- Да, да, сынок, много, много изменилось... Старые состарились, а молодые подросли. Я вот сейчас никудайная стала. Теперь вся надежда на Таню...

- Мамочка, хватит об этом, - остановила ее дочь, - лучше иди побеспокойся о самоваре...

Старушка удалилась.

- Ну, садись, Вася, рассказывай, когда приехал, ка-

ким образом, на долго? Подолвившая стулья, суетилась Тани.

- Даже не вяр, Танюша, с чего начать, - опускалась на стул, тяжело выдохнул Василий. - Так было много разных событий, что и не перескажешь...

- Ну, скажи хоть на долго приехай?

- Пока, что до новых столкновений, - многозначительно улыбнулся Василий.

- То есть, как? Демобилизоваться?

- Так точно... Последний день в погону...

Таня внимательно посмотрела ему в глаза, - не шутит ли он, потом взглянула на его орден, погону.

- И ты не сожалешь об этом?

- Ницуть, наоборот, доволен...

- Но мне, кажется, в твоём положении гораздо лучше было бы остаться в Армии...

- Представь себе, Танюша, что это для меня, не главное в жизни. Главное же в том, о чём мы когда-то мечтали. Вот оно и заставило меня вернуться на старые позиции.

- И чем же ты намерен заняться на „гражданском фронте“? продолжала спрашивать Таня.

- Думаю, учиться, - сдержанно ответил Василий: - Молваца сейчас - к концу четвертой пятилетки получить диплом специалиста.

Потом, покачивая головой, добавил:

- Ты не можешь себе представить, как я соскучился

об Институте? Помню, когда-то я ленился: не писал конспект, сбегал с лекции. Теперь ничего не пропущу мимо.

- Это очень хорошо, Вася! - Потрепала его за плечи Таня. - Только и почему-то борюсь, что тебе придется трудно. Вель за пять лет ты многов уже забыл...

- Знаю, что трудно, но все таки возможно. Об этом я уже подумал.

Таня хотела было сказать, что это ей только так казалось, но в это время в комнату вошла мать с кипящим самоваром в руках.

- Ну, Таня, приглашай своего гостя за стол...

- Спасибо, Анна Ивановна, но я только-что из-за стола... попытался было возразить Василию, но строгий тон гостеприимной старушки заставил его полчиниться.

За столом старушка расспрашивала его, где воевал, за что получил награды; потом сама рассказывала о том, как жилось в тылу во время войны.

- Уж так трудно нам пришлось пережить эту войну, так трудно, что не привели бог... Таня-то у меня в первый год войны пошла работать на завод. Бывало прибежит с работы грязная, уставшая, упадет в кровать и уснет, как убитая. Разбужу ее ночью, накормлю, а утром опять бежит на занятия. Все-таки не бросила институт, окончила. Настоячивая она у меня, способная...

- Мама, ну стоит-ли об этом говорить? - Возразила Таня.

- А о ком же мне говорить, как не о тебе? - Развела руками старушка.

- Продолжайте, продолжайте, мамаша, - полмигнул Василий Тане.

- А теперь вот, Васенька, хочется мирно пожить, отдохнуть, только говорят будто война-то снова должна быть. Это до каких-же пор воевать-то? Так можно весь рол людской перевести...

- Сие от нас не зависит, мамаша. Пока будет существовать капитализм, вечно будут войны...

х х
х

Гладкий асфальтовый тротуар, окаймленный строем тенистых тополей, велеет к белому трехэтажному зданию. По тротуару бесконечным, бурлящим потоком течет молодежь. В лучезарном сиянии утра, в перекличке фабричных гулков, слышится вальорный девичий смех, бойкий, веселый говорок, раскатистый ребячий хохот...

В этом шумном студенческом потоке илет Василий. Как прежде, душа его наполняется радостью неповторимых юношеских лет, бурной, веселой студенческой жизни, жажды знаний, мечтаний, споров, любовных увлечений... Как прежде, в голове его теснятся те же мысли, желания, надежды... Он снова студент.

С волнением смотрит он на знакомое здание Института, на березовую рощу с беседками... Вот паралное крыльцо, широкая с грузилом дверь. Невольно рвутся слова: Хочется крикнуть, чтобы все слышали: "Здравствуй, Институт-священный храм науки! Прими своего питомца в об"ятия свои!"

Пять лет назад нас с тобой разлучила злодейка-война; многих она тогда вырвала из твоих шумных аудиторий, многих унесла с собой. Лишь немногие остались в живых. Теперь они снова все^рагается к тебе, полные жажды взять у тебя нужные знания для жизни." ...

Василий схватился за скобку, широко распахнул дверь, пошел внутрь здания.

Как прежде в глаза его бросились: статуя девушки-физкультурницы, большое трою, в которое он любил мимоходом заглядывать; та же старушка, висящая около стеновых часов... Только среди студентов не было знакомых лиц...

Василий поднялся наверх, вошел в аудиторию. Здесь он когда-то слушал лекцию по истории. Вот стол, за которым он сидел. На нем еще не стерлись, вырезанные бритвочкой его инициалы, а рядом, впереди сидела Тая, которую он нервно отвлекал от записи лекций и сам глазел по сторонам.

Вдруг его кто-то схватил сзади. Василий обернулся и узнал своего бывшего друга, с которым когда-то уходил в армию.

- Володька!...

- Вася!...

Друзья обнялись. Начались расспросы: кто где воевал, когда вернулся... Потом его обступили девушки, бывшие однокурсницы-фронтовички. У всех на груди медали, ордена, радостные лица.

- Значит, вернулись... Хорошо. Просим в нашу группу...

- А это наш староста и профорг факультета, - показали девушки на Володьку...

- И уже положили ему, - отзывался Володька, - все в порядке: наш, значит, в нашу группу...

- Правильно! — Торжествовали девушки.

- Очень благодарен вам девушки, — проговорил Василий.

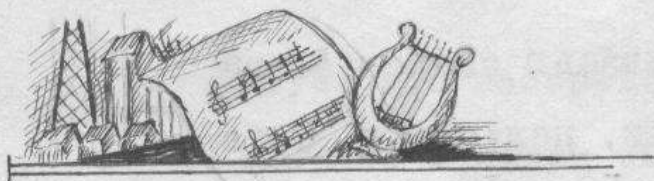
- Я так рад и за то, что вернулся вот в эту аудиторию, и что встретил вас и что снова...

- Ну, ну, знаем по себе, не говорите нам, — оборвали его девушки.

Послышался звонок. В аудиторию вошел профессор — седой старичек. Началась лекция. Василий с жадностью глотает каждое слово профессора, тщательно конспектирует. Нужно все знать. Об этом счастье он мечтал, лежа в окопах, стоя на отдыхе, идя в атаку. Это завоеванное счастье, которое он научился ценить...

После лекции шумный студенческий поток выливается на улицу, заполняет широкий асфальтовый тротуар и растекается во все концы города. Вместе со всеми Василий возвращался домой. Его полевая сумка набита книгами, тетрадями, голова заполнена историческими датами, событиями, а душа полна радостных чувств удовлетворения. Он снова студент.-

Почему Пушкин с нами

Г. Брусвянин.
ст. 1 к. ЛИТФРАКА.

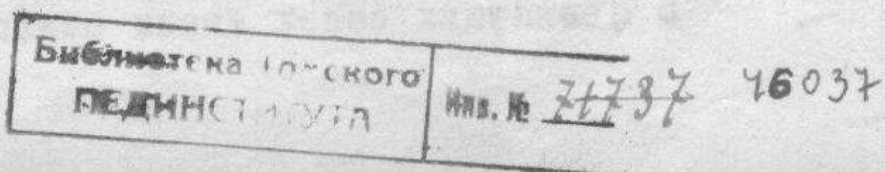
Смерть не всех живущих удел,
Труженик - вечности ставленник, -
Жизнь людей коротка, а дел
Много для жизни оставлено.

Тянутся дни в года и столетья,
Ум устремляется к счастью земному...
Много работ и профессий на свете,
Дел благородных бесчисленно много.

Дело поэта, создавшего песню,
Спутницу строек, полетов, движений, -
Дело, желанной победы предвестник,
Дело походов, борьбы, достижений.

Дело поэта, с народом который
Многое прожил, прочувствовал, вынес,
Мы пронесем сквозь столетья и штормы
Знаменем общенародной святини.

Дело поэта, который нечаянье
Резал на клочья свободной лирой, -

Наше достоинство, гордость и счастье

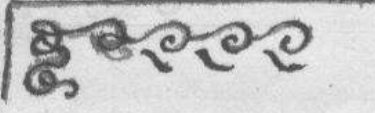
Наша заслуга в борьбе перед миром.

Только поэтому жизнью затравленный
Смятый бесправием, подлостью, левью,
Пушкинский гений
Свободы прославленной
Бьется в сердцах молодых поколений;

Только поэтому через столетье
Пушкин и правда желанные гости,
Только поэтому
Имя поэта
В песнях крылатых мы превозносим.

В. Голубев. ст. и к. лит. ф.
Предсмертный монолог
Пушкина

Тебя на смертном одре вижу...
Как знать хочу: чем жид в последний миг?
Рукой и мыслью робкой движет
Душью к тебе, поэзии цветник.
Как много чудного увидел
В невянущих садах твоих стихов!

О, как с тобою возненавидел
Твоих мучителей, твоих врагов!

Рисует мне воображенье,
Волнуюсь в вихре скорбных дум и чувств
Твое неспетое творенье
Бессильное слететь с сомкнутых уст.

Дыша с трудом, уходит гений.
Высоко грудь мятежную вздымаю
Позор не смытых оскорблений;
Мне кажется ты с горечью шептаю:

"...Нет, нет! Среди рабов мне места нет!
Все мелко, ... должно, ... серо, ... гнило...
Прощай, Натали! Вас любил поэт
И долго вами сердце жило.

О, ужас! Кто я? Темный демон зла?
Земных владык низверг бы в мир загробный
За их порочные, преступные дела
И крик исторг бы радостный и злобный!

Не тем из детства золотого
Я шел, несущий ярких грез цветник;
Мечтал из сердца молодого
Излить на мир любви святой родник.

Нет, нет! Не демон я! Во мне любовь
К простому русскому народу...

Она по вялым жилам гонит кровь,
Предсмертья гонит непогоду.

Душа в просторы мирозданья
Стремится... звездный мир зовет меня
Скорей, ... туда, .. в чертог сверканья!
Веди же, смерть, крылатого коня!

Зачем рожден в подлунном мире?
Кому так много дивных песен след?
В цепях иград на звонкой лире...
А кто из вас оплачет мой удел?

Молчите... Может с губ бескровных
Словам раскаянья слететь поря б?
Их нет. Так прочь же чистокровных
Преступников толпа! Мне внемлет раб...

Воспрянет из цепей могучий,
Чтоб грозной кары тяжкий меч извлечь;
Сверкнет, как луч, свободы дивный меч,
И вы рассеетесь, как тучи!

Колючим кактусом пустыни
В стране царит, тучней, род господ.
Идвуют века, как тучи, синии
Не видит свод измученный народ.

Но я узрел умом крылатым
Грядущий день весны моей страны,
Когда полдут под злом шевеля
в дыму пожаров в бои ее снам"...

Услал поэт, и просветлено
Его худое смуглое лицо.
А весть ужасная уснула
Уже покинуть черное крыльцо.

Век стонув, век ценой и тленья
Клянёт твой дворцы не ваш певец.
Достоинно вас одно творенье -
Дубовый гроб, кровавых дел дворец.

Изгнаннык и беглец потомок
Уснул, народу лиру подаря.
Слегает гниль тебе потомок,
Тебе, поэзии родной зря!

День дуэли

Он внешне одержим ныне был
И ждал желанного оружья
Чтоб нежкий выстрел его смыл
Всю грязь злорадных оскорблени.
Чтоб с чистым сердцем битъ потом, -
Сегодня встретиться с врагом
И видеть вражьей грудью пробитой
Иль самому унасть убитым.

И он восстав, во всем был прав,
До глушии души задевши;
Злорадной пошлостью "забав",
не мог не дать врагам ответа!
Он бросил вызов подлцу
Тупому, низкому глупцу,
Чье поведение и манеры
Служили обществу примером!

Последний час, стоят кареты
на месте встречи роковой,
В одной данзас правез поэта,
Дантеса Д'Аршиак, в другой!
Поляна, в полынне реченки

Журчит вода, как плач ребенка;
Поэту думы давят грудь, -
- "Кончать скорее как-нибудь"!

Рубеж готов. Протоптан след.
Сигнала взмах и твердый шаг...
нацелен мщенья пистолет!...
Но поспеши трусливый враг...
Поэт упал лицом в шивель.
Стонала русская метель!
Но стой подлец! Пошлет ответ
Смертельно раненый поэт!

Убийца обит!... и пистолет,
В восторге брошенный, направо
Воткнулся в снег, и крикнув: "Браво!"
Упал без памяти поэт!
Кровавый след, истоптан снег,
Коней чужих неровный бег;
Его везут в последний путь,
Где суждено навек уснуть!

Сто с лишним лет прошло с тех пор,
Когда судьбе наперекор,
Восстал он в светской рати черной
И пал... Но голос нескорный

Над человечеством живет
И будет жить века вперед,
Пока сквозь полный тайн эфир
Святое солнце греет мир!

Т. Чернов.
ст. гк. инфант.

На забайкальских рубежах

(отрывок из повести)

Стояла холодная, пасмурная забайкальская осень. С неба летели мокрые хлопья снега, а в степи свирепствовал маньчжурский ветер, неся по равнинам и падам ураганы песка, перемешанного со снегом, куда-то в бескрайние степные дали.

В этот день полк уходил на войсковые учения. Предстояло совершить тридцатиклометровый марш и занять исходный рубеж для наступления.

Далеко по степи растянулись повозки, двуколки, кухни. Медленно тянутся взводные колонны бойцов. Встречный ветер беспощадно хлещет им в лица мокрыми, грязными хлопьями снега, пронизывает насквозь тонкую солдатскую шинель. Снег набивается в уши, в глаза, за воротник, тает и холодной струйкой стекает по спине. Под ногами скользкая, размешанная сотнями ног грязь, кусками пристает к тяжелым, разбухшим солдатским ботинкам. Промокшие ноги ощущают неприятную, холодную слизь. Шинель, впитавшая в себя обильную влагу, висит на плечах, тянет пудовой гирей...

Одну из таких колонн ведет лейтенант Золотов. За ним, в трех шагах, идут бойцы его взвода; несут на своих плечах длинные противотанковые ружья.

В голове лейтенанта проносятся вереницей воспоминания. Ему вспоминаются годы его суровой солдатской службы. Он ша-

гает в строй в полном боевом снаряжении по бескрайним степям Монголии, уставший, загорелый, запыленный, обливаясь потом под палящими лучами раскаленного солнца, без глотка воды, как верблюд, перенося все тяготы походной солдатской жизни, закаляясь для грядущих битв. Потом первые дни войны, когда страна только что вступила в смертельную борьбу с врагом на западе. Но эта борьба могла переороситься и на восток. Не одну ночь ему пришлось провести на рубеже в окопах. Эта служба для него не прошла даром. Многому научила его. И теперь вот он сам ведет за собой такой же строй бойцов, сам передает им свой опыт, учит их бороться с врагом в условиях Забайкалья.

Вспоминая свой пройденный солдатский путь, он уже не помнит, когда читал хорошую книгу, когда танцевал с любимой девушкой, когда был в театре, - это было давно, в мирные, счастливые студенческие годы. А теперь война и не одна он переносит эти лишения, а тысячи, миллионы, весь советский народ. Но он так же знает, что все это не вечно. Война кончится и снова будет счастливая жизнь. Страна будет огромная, в несколько десятков республик, соседние государства будут дружелюбные, не то, что сейчас. И армию на границах не нужно большую держать...

Но до этого еще слишком далеко. Нужны годы борьбы, тысячи человеческих жертв, чтобы все это достичь.

С одной стороны ему казалось, что настоящее поколение несчастно, так как оно переносит на себе все лишения, всю

Лейтенант выходит в сторону, пропускает взвод. Примочкин, Бавилов и Данилов идут сзади всех - это новички. За ними - Павлов, старый бывалый солдат, замыкающий. Ему поручено следить за отстающими, всячески помогать им.

- Тяжело, товарищ лейтенант, - жалуется Примочкин. Видно, что он сильно устал, согнулся под тяжестью походного снаряжения. Лопатка сбилась назад и прыгает на ослабленном ремне, как счетчик отсчитывает шаги...

- Широко торопятся, товарищ лейтенант, не поспеешь, - вторят Примочкину "калнинские".

- Ох, вы у меня друзья, друзья... Качает головой Золотов.

- Это разве тяжело?... Летом в походе потруднее достается. Бывало идешь по степи, на тебя навешаны и нацеплены целые пуды походного снаряжения. Над тобой полыхает жаркое раскаленного солнца. Голова раскаляется, как чугуун, из которого ключом бьет вода. С тебя ручьями льется едкий пот. Думаешь, сгоришь, не выдержишь... но вот повеет степной ветерок и вся усталость куда-то рассеивается. Слова рождаются шипя и бодрость... не чувствуешь усталости. Только смахнешь со лба рукавом пот, поправишь на плечах затянутый ремень, перебросишь с руки на руку оружие, помахнешь бесчувственной рукой и снова, ободренный, устремись вперед...

В полночь полк прибыл на исходный рубеж и занял оборону на обратных скатах какой-то безымянной высоты. Отсюда утром должно начаться большое наступление на обороняющегося

тяжесть этой жестокой войны. Но с другой - счастливо, потому что оно живет в сталинскую эпоху, в эпоху, когда отсчитывается будущее счастье, счастье наших потомков. Ведь мы творцы будущей счастливой жизни. О нас будут писать в истории, нас будут изучать, ибо некоторые из нас прославились веках. Их никогда не забудет народ. Это лучшие люди, отдавшие свою жизнь во имя Родины...

Так стоит ли ему после этого думать о каких-то своих личных мелочных интересах, когда все его товарищи с первого дня войны на фронте, в гораздо худших условиях?... некоторые уже погибли, некоторые искалечены, а он?... Что же он дал полезного фронту, здесь в Забайкалье?... Разве только эти степные походы?... Разве только эта солдатская повседневная учеба, подготовка к грядущим боям?... Разве только эти суровые жизненные условия, с которыми приходится сталкиваться на каждом шагу... Может быть это своего рода тоже героизм, только замедленного действия?...

Взволнованный этими мыслями, Золотов оборачивается назад, видит своих командиров: Юрина, Веселова, Васькина... Они спокойно шебвствуют за своим лейтенантом.

-Ну, как, товарищи, самочувствие? спрашивает Золотов.

-Нормальное, товарищ лейтенант, - Как всегда улыбается Веселов. Лица его мокрое, грязное, посиневшее от холодного сырого ветра. В ресницах, на губах набился песок. С подбородка падают грязные капли растаявшего снега.

-А как "Калининские ребята" себя чувствуют?...

„противника“.

Бронёбойщики расположились на правом фланге батальона и приступили к отрывке окопов.

Ветер понемногу стихал, но отдельные порывы его, пробегающая по склонам сопки, обжигали руки и лица бойцов. Исклещенные ветром, промокшие и уставшие от длительного марша, бойцы старательно отрывали себе окопы, в которых можно было согреться и отдохнуть от усталости. Ноги, казалось, гудели, как телеграфные столбы, ныла спина, желудок так же давал себя чувствовать.

Павлов, вместе со своим помощником Петренко, усердно долбили себе большой окоп для противотанкового ружья. Копать пришлось долго, так как грунт на высоте попал твердый, каменистый. Сначала шел слой мелкого камня и копать было сравнительно легко, затем пошла сплошная скала, от которой отскакивала малая солдатская лопата.

Петренко нервничал и проклинал твердую забайкальскую землю.

-Та ще это за земля?.. Домом только долбать, или толлом подрывать, а не лопаткой ковырять... .

-А у вас на Украине разве мягче?.. Спрашивал его Павлов.

-Та у нас не земля, а масло, хочь ножом рижь, та на хлиб намазуй... .

-А у нас, братек, на Ленских приисках и похуже встречается... Бывадо на старательских расстаешь, так целые горы камнем передолошь. Хорошо если попадет рыхлая скала -

- щепенка. С той меньше делов, а вот как напорешься на сплошную каменную скалу, тут хуже дело. Но все равно приспособишься. Человек ведь ко всему приспосабливается. Для него ничего нет неприступного. Так и скала. Присомотришься к ней, она имеет небольшие трещинки. Начинаешь по ним долбить и раскалываешь. А в этих-то трещинках и торчат, как идоны, крупинки золота. Тут, брат, и оправдаешь весь свой труд. Земля ведь она никогда в долгу у нас не остается... Так что ты шюка-то не волнуйся.

Мы с тобой, Петро, найдем выход из любого положения, и раньше всех приказ выполним. Только бы нам вместе пришлось с тобой воевать... Мы бы не то еще показали

-А який выход?... Спрашивал Петренко.

-А вот який: нарежем сейчас в сторонке дерна, выложим повшыше бруствер, замаскируем все чин-чином, а тогда и отдыхать можно. Ни какой начальник к нам не придерется

Действительно, через некоторое время у них был готов окоп необходимой глубины, а на дне его, сняв с себя всю тяжесть походного снаряжения, подложив под бок лопату и винтовку, а под голову вешмешок, накрыв окоп сверху одеялом, прижавшись друг к другу, лежали друзья.

Один из них уже спал. Он не чувствовал было ли ему удобно, было ли холодно, быстро, по-солдатски, заснул.

Петренко не спал.

Лейтенант снял с себя ремешь, сумку, шинель и полез в узкий проход глубокого окна.

- О, да у вас здесь настоящая землянка!... И потолок, и печка...

- Все двадцать четыре удовольствия, товарищ лейтенант!... Можете погреться и отдохнуть...

В окопе действительно было тихо и тепло. Потолком этой импровизированной землянки служило одеяло, а печкой - видоизмененное в стенке окна углубление. Сводом этой печки являлся верхний слой, где было проделано отверстие - дымоход. В печке весело потрескивали дрова, специально принесенные с собой каждым бойцом для того, чтобы в трудную минуту, когда мороз пробирал до костей, посидеть у костра и погреться его жарким пламенем.

- Значит, не зря говорят; что солдат шилом бреется, а дымом греется...

- Точно, товарищ лейтенант, - подхватил Костя. - Солдат это по-моему инженер своего дела. Особенно современный солдат. Если где храбростью не возьмет, так умением, не умением, так выносливостью и смекалкой. К любой обстановке применится... Пожалуйства, сейчас на западе тоже применились, каждый день город за городом от немцев освобождают.

- Ну, ладно, товарищи, давайте отдыхать, - предложил Золотов, чувствуя как с приходом тепла, начал клонить сон.

- А вы, где, товарищ лейтенант, любите спать? - в середине или с края? - спросил ординарец Кешка Дрозд.

- Да мне все равно, куда не пойдете, лишь бы переспать...

Прислушиваясь к завыванию степного ветра, он почему то долго ворочался, ему было неудобно, мерзли сырые ноги, а голове его, как по небу тучи, прощивали сокровенные мысли. Ведь уже два года, как он кочует по этим степям. Уж не один раз ему приходится наступать на эти сонки и оборонять их. До тошноты надоели они ему. Ему хотелось поехать на фронт освобождать свою родную Украину, где вместе с остальным в родом погибли его мать и братишка, отомстить за них кровью немцу...

Теперь, когда он узнал о судьбе своих родных, его еще больше тянуло туда. Часто ему стал являться образ матери. То она провожает его в армию, заботливо, по-матерински роняет слезу и наказывает беречь себя, то вдруг перед ним являлся образ избитой, замученной женщины, которую немцы тащат в подвал. Он даже слышит ее слова: "Петик, сынку мой, спаси меня"...

Так, терзаемый своими воспоминаниями, он засыпает, чтобы восстановить свои утраченные за день силы и снова перенести всю тяжесть завтрашнего дня...

После всех дожидая лейтенант. Сегодня его пригласили ночевать в свое отделение сержант Костя Веселов. Без него Золотов всегда скучал.

-У меня, товарищ лейтенант, ребята культурный окоп оборудовали. Грунт, к счастью, попал мягкий. Тепло и фортаб сильно, как в американском окопе, - расхваливал Ко

-По смотрим, что у вас за окоп...

За свою службу Золотов уже привык к этой кочевой солдатской жизни. Ему не один раз приходилось ночевать в степи и зимнюю пургу и в ненастные осенние дни...

-Конечно в середине, чего спрашивать, - поправлял Веселов. - Пусть представляет, что спит с женой...

-К сожалению, я еще не привык к этому...

-Почему, товарищ лейтенант?... Любопытствовал Дрозд.

-А потому, что еще не приходилось с ней жить, - объяснял Золотов, укрываясь своей походной и вытертой шинелью.

-Вот уже четвертый год путешествую по этим степям. До армии не женился, считал себя все молодым, думал, когда кончу институт, тогда и семейкой обзаведусь. Но тут в армию призвали. Отслужил кадровую, нужно было увольняться, выцвела война... Итак вот до сих пор не женился.

-Да-а-а, как интересно складывается жизнь, - начал Костя, страшный любитель пофилософствовать, - и во всем этом виновата проклятая война. Гитлер - негодяи, что б ему ни дна, ни крышки, устроил мировую бойню. Вся жизнь разрушил. Сколько молодых жизней загубил... Два брата вот тоже где-то плавают без вести с первых дней войны. Мать умерла в блокированном Ленинграде, остался один бесшабашный Костя, которого занесло ветром в далекие забайкальские сопки... Но ничего, немец-фриц пустоголовый, не на тех нарвался. Русские всем рога обламывают, так и тебе скоро голову свернут. Японцы и те больше не лезут к нам. Как видно крепко им хребта наломали на Хал-Хин-Голе.

Лейтенант уже засыпал, редкие слова доходили до его сознания. Но произнесенные Веселовым слова "японцы" и Хал-Хин-

-Тогда Гол", заставили его отогнать сон.

-Теперь они сами боятся, как бы их не постигла участь Германии, - закончил Веселов.

-Но между прочим о расширении своей японской империи они мечтают до сих пор, - вставил Золотов.

-Теперь им не видать своей великой Японии, - продолжал Веселов, - так же как Гитлеру - великой Германии. Теперь, самурайшка, твоя смерть на очереди. Как только кончат созванные армии с фашистским зверем на западе, возьмутся за тебя, японскую акулу. Распорят тебе твое толстое брюхо, выпустят Китай с Манчжурией, а самое потопят в Тихом океане...

-Да-а-а, надо бы, надо бы отучить их от этих коварных привычек, - вздохнув, говорил лейтенант. - Слишком много солили они нам. Ведь ни один год не обходился без кровавых конфликтов, авантур и перебежек.

-Привык ты, косоглазый пес, - зло сжимая зубы Костя зил кому-то в темноте окопа, будто в самом деле видел перед собой японца, - по-бандитски, врасплох нападать на нас. Теперь отошла тебе лафа. Это не 904 год и не одни мы теперь. Так что за все грехи с тобой рассчитаемся и навсегда чтобы не держал ты здесь нас, не томил на границах, чтобы седи были нашими друзьями...

Долго еще говорил Веселов, и только когда услышал желое, сонное дыхание лейтенанта, умолк...

В глубоком окопе было тихо и тепло, как в землянке. Изредка до них доносились отдельные набег степного ветколыхавшего натянутое одеяло...

ВЕСНА

В. ЗАХАРОВ

СТ. 4 К. ЛИТФАКА.

Пора горячая неслышно подоспела,
Идут на приюль солнечные дни,
И в грохот новостроек то и дело
Врываются мелодии весны.

То - время неуклонного подъема,
Дикует каждый будто в первый раз,
И пестрые сороки на соломе
С скворцами уж вступили в пересказ.

Весна, весна! - Все слышится сильнее нам,
Звонит над нами жаворонка трель,
И видно мне, как, в грохоте и пене,
шагает под окошками апрель.

Страна моя! найду-ль еще сравненье
По красоте достойное тебя:
Ты на веснуходишь без сомненья
-Так каждый скажет Родину любя.

Сирень

А. Толмачев.

Ст. I. К. Литфака.

Сирень стояла замирая
Покрыта белой оахромой,
Над ней, от ярости рыдая,
Метель крутила снег порой.

Пришла весна, растаял лед
Подснежник листья распускает,
Весенний пар в лазурь плывет,
На ветках почки назревают.

Согрета великими лучами
Сирень живую воду цвет
И вместе с прежними друзьями
Навстречу ясным дням идет.

Цвети пышней, зеленый полог,
С лиловой пеною кистей,
Под птичий гам, под разговоры
Новорожденных бурных дней.

Боевая сестра

Ал. Романов.
ст. ИК. Литфака.

В дни суровой войны боевая сестра
Партизанам в бою помогала
И в холодные ночи, зимой, у костра
Тихо несню друзьям напевала.

Там, в отряде, в лесу, паренька одного
За отвагу она подлюбила.
Звонкий голос, глаза и улыбку его
В своем девичьем сердце хранила.

Но однажды тревожных волнений полна,
В час вечерний под пенье метели,
В путь опасный его провожала она -
На щеках ее слезы ослетели.

Паренек не вернулся. В неравном бою
Он отдал свои юные годы.
За народное счастье, за землю свою,
За великое дело свободы.

Время шло. Ветер черные тучи угнал
С небосклона любимого края
И зарей желанной восток заснял

К счастью, к жизни о́пять призывая.

А весной, вечерами на берег Днепра,
Где друзья паренька скоронили
Принесли венки боевая сестра
Возложить у бесценной могилы.

Он недаром погиб. Край богатый, родной -
Украина оделась садами
Вновь творит и цверзвет народ трудовой
Вновь и песни и смех над полями.

Птицы стальные

Скрипченко.

ст. 1к. Инфака.

Рейте в небе друзья боевые
Быстрокрылые птицы страны,
Пусть несут Ваши крылья стальные
Смертоносные грузы свои.

Бейте бомбой и пулей разите
Озверелого гада в бою,
И победу на крыльях несите,
Защищая Отчизну свою.

Пролетите сквозь грозы туманы
До берлоги фашистских зверей,
И громите разбойничьи станы
За страдающих Советских людей.

Пусть ведет Вас до цели, как знамя
Месть великая нашей страны,
Пусть народного мстителя пламя
Проведет Вас сквозь бури войны.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОМАНТИКА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

А.М. ГОРЬКОГО.

Подласенко.

Ст. 4 к. ЛИТФАКА.

Русская литература всегда выступала против угнетателей, поработивших человека и превративших его в подчиненное существо. Вера в человека движет классической русской литературой, начиная Радищевым и Пушкиным. "Человек должен сознавать себя выше львов, тигров, звезд, выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным, т.е. выше религиозных предрассудков, иначе он не человек, а мышь, которая всего брится", - говорит Чехов словами одного из персонажей своего произведения.

Нелегко давалась вера в творчество человека и человечности старой русской литературе. Противоречие между тем, чем должен быть Чехов/ человек и чем он был на самом деле, противоречие между идеалом и действительностью рождало великую трагедию, боль и смерть. Эту трагедию переживали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, ее не выдержал Достоевский, а могучий гений Толстого ударился в беспомощную утопию. Писатели, которые не отворачивались от "страшного мира", и явились создателями критического реализма. Невозможность построить мост между идеалом и действительностью обуславливалась не недостатком гениальности художников (великие русские писатели XIX века удивили мир исключительной силой своих дарований). Невозможность зависела от объективных причин: требовалась новая обстановка и рука, указывающая путь передовым людям эпохи.

Как наследник всей прошлой культуры и представитель новой в русскую литературу вошел А.М.Горький, величайший пролетарский писатель, которому посвящены слова В.И.ЛЕНИНА: "А.Горький - безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал".

Горький пришел в литературу на грани 2-х исторических эпох, на рубеже XIX и XX в.в. в эпоху, когда режим Победоносцева, державший Россию мертвой хваткой, уступил место новому историческому процессу в движении мысли и общественной борьбе - гегемоном стал рабочий класс, как вождь угнетенных и неправых, поднимающихся против своих поработителей. Переворот, совершенный рабочим классом в историческом движении, совершенный Лениным и Сталиным, Горький перенес в искусство слова. Подобно своим предшественникам он прямо смотрел в глаза страшной действительности, но в отличие от них он увидел воплощающийся в действительность идеал, реальное движение реальных людей к победе, пусть даже через временное поражение. Горький не был бы Горьким без этой новой основы. Вера в народ, которая поднималась против самодержавия, вот что сделало из него "буревестника революции" и ее певца. Его творчество отразило поступательный ход движения русского пролетариата. Пройдя суровые "жизненные университеты," он благодаря его гениальным способностям и настойчивому труду, смог со "дна" жизни соколом взвиться на вершины культуры, стать защитником "оскорбленных и униженных" и создать образ нового человека - борца-победителя.

Наблюдая рост Горького - художника, следует отметить, что прежде чем дать образ подлинного героя-революционера Горький тоже прошел довольно длительный путь "поисков" своего героя.

Горький идейно рос с ростом своего класса, класса пролетариата от романтических героев /Дойко, Радла, Данко, а впоследствии Сокол и Буревестник/, привлекавших его свободолобием, независимостью, отрицательным отношением к собственности, обогащению, к рабочему Нилу, от босяков, мом . . . . - пролетариев протестующих стихийно к рабочему-революционеру Поллу - вот путь Горького. Только близость к народу и ее вождю, партии большевиков, помогли Горькому стать на верный путь, на котором Горький встал перед миром сегодняшним великим Горьким.

Еще в начале 90-х годов XIX века Горький уже чувствовал, что на сцену выступает новая сила. Ему хотелось разбудить народ словом писателя, показать нового героя жизни, смелого и свободного в противовес мещанству, разбудить веру в светлое будущее. В письме к Чехову он пишет: "Настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее. Обязательно нужно, чтобы теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь и как только это она начнет, жизнь прикрасится, т.е. люди заживут ярче, быстрее." Он говорит, что этим "стремится усилить волю человека к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета". Так намечал Горький свой путь писателя-романтика в его творчестве раннего периода.

Как нам известно романтизм существовал задолго до Горького и во время начала его творческой деятельности, как, например, романтизм декадентов. Чем же отличался Горький-романтик от писателей-романтиков предшествующих лет? Обычный романтизм противопоставлялся реализму. Так романтизм декадентов имел реакционно-идеалистический характер. Это романтизм индивидуализма со склонностью к

фантастике, мистике, оторванный, отвлеченный от действительности, уводящий от общественной борьбы к пассивному созерцанию, в область субъективных переживаний, к прошлому. Такой романтизм стремится примирить с действительностью прирашивая ее и отвлекая тем от нее. Горький этот вид романтизма наз. индивидуалистическим пассивным романтизмом. Это романтизм отмирающего класса, класса буржуазии, не имеющего под собой твердой почвы. Он противоречит жизненной правде, старается затушевать классовые противоречия.

Горьковский романтизм не противоречит жизненной правде, реализму, а как бы дополняет его. Он тоже преукрашивает жизнь, но, преукрашивая жизнь сегодняшнего дня, он показывает, что это ее завтра, когда новая сила, пролетариат станет хозяином положения. Чтобы понять сущность романтизма Горького следует вспомнить, что говорил Ленин о роли "мечты" в революционном движении: „Мечта может обогнать естественный ход событий, или же она может хватить совершенно в сторону, куда никакой естественный ход событий не может привести. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека, забегать вперед и созерцать воображаемым своим в цельной и законченной картине, то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками? Это романтизм прогрессивный, активный, романтизм коллективизма, рев. романтизм. Подобный романтизм чужд буржуазным эстетам: он звал к борьбе за свободу показывал сильного, свободолюбивого героя, борца за свободу, что никак не гармонировало с интересами буржуа, желавшего видеть в своем рабочем безгласного раба, а сами они не были на

такую борьбу уже способны. Горьковский романтизм "верующих в счастье завтрашнего дня, способных видеть сквозь грязный и кровавый туман настоящего - чистое светлое будущее", - по его словам, особенно ярко выразился в его раннем творчестве.

Форма сказок, песен, легенд ритмической прозы давали широкий простор для выражения романтического пафоса Горького. Образ сказочного героя автор поднимает на уровень рев. идей времени: нестигаемую твердость и гордость прекрасной души свободолюбивого человека, мотив служения людям, стремление преобразования жизни на земле.

Устами Макара Чудры, героя его первого рассказа "Макар Чудра", Горький бросает вызов тем, кто смиренно несет свое бремя, мещанству, обывательщине: "Что-ж, он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже и могилы самому себе выкопать? Ведома ему воля. Ширь степная понятна. Говор степной волны веселит ему сердце. Он - раб, как только родился, всю жизнь раб, и все тут." И людям с душой рабов Горький противопоставляет других. Это смелые и гордые натуры, люди сильных страстей, больших и ярких чувств. Лойко и Радда демонстрируют силу любви, свободной и возвышающей человека. Лойко - поэт, песня которого звучала так "точно стена говорит небу сказки" и Радда, женщина, красоту которой можно лишь на скрипке сыграть", полюбили друг друга, но не желая взамен любви отдать свою волю, они жертвуют жизнью и умирают свободными.

Уже в этой легенде пробивается тот мотив, который зазвучал полным тоном в легенде о Данко, мотив служения людям: "У него не было заветного, - говорит Макар о Лойко, нужно тебе его сердце, он сам бы вырвал его из груди, да тебе и отдал, только бы

тебе от того хорошо было. Вот какой он был сокол."

Горячее сердце, смелая и большая любовь - это то, что украшает жизнь, обогащает человека. Сила любви велика. Она возвышает человека и облагораживает его. За причудливым трагическим сюжетом легенцы "Хан и сын" встают образы сильных людей. Силу чувств своих они ставят выше славы, выше богатства, выше мирских забот: "это все мертвое, - говорит Хан, вернувшись с горы, откуда он сбросил в море казачку, - одна любовь женщины жива. Нет такой любви - нет жизни у человека, нищ он, жалки дни его" и он сам бросается вниз с обрыва. Погибают хан и его сын ради любви, а легенда прославляет их твердость и бесстрашие. И замечательно то, что в этой трагической концовке нет ничего похожего на пессимизм, наоборот, они пронизаны верой в человека, в его силу, и волю. Следует отметить, что любовь является излюбленным мотивом легенд и сказок раннего Горького о всепобеждающей силе любви была написана сказка в стихах "Девушка и смерть", о которой мы можем прочесть следующий отзыв И.В.Сталина: "эта вещь сильнее чем "Фауст" Гете /любовь побеждает смерть/. Неподдельная настоящая любовь девушки побеждает смерть, она делает ее безгранично смелой. Только своею любовью, только ее интересами руководствуется она в своих поступках при столкновении с царем, с бесчеловечной деспотической властью, которая ничего не хочет знать, ни о человеческом достоинстве, ни о человеческих чувствах. Но над любовью девушки, свободной и прекрасной, как сама природа, никто не властен. Так с изумительной поразительностью подчеркивает Горький рев. значение, которое неизбежно приобретает подлинная любовь в борьбе с гнетом антагонистического классового общества. Горький поет гимн любви, гиперболизируя ее силу и

высокие стремления героев, выбирая яркие краски в своей худ. палитре: Краше солнца нету в мире бога,

Нет огня, огня любви чудесной.

И это в то время, когда декаденты и символисты на все лады воспевали смерть и небытие, против нее и выступает Горький великий оптимист. Источник Горьковского оптимизма в оживлении и подъеме рабочего движения, когда рабочий класс показал себя мощной и организованной силой, когда Ленин организовал за границей газету "Искра", а Сталин становится руководителем знаменитой Батумской демонстрации. Вот на этой ленинско-сталинской основе в годы нарастающей бури революции, ее глашатаям и знаменосцам и выступает Алексей Максимович, как "буревестник грядущей революции. Известный советский критик Луначарский пишет следующее: "Горький отражал тогда первые шаги растущего пролетариата. Ушли серые сумерки 80-х годов, разразилась освежающая гроза годов 90-х. Выступал новый герой - пролетариат. Горький был первым из писателей кто почувствовал величие надвигающихся событий. Он был взволнован и волновал других. И эта взволнованность, этот мост к будущему строился в возвышенных образах, потому что прежде всего надо было сказать людям, что пришло необыкновенное время, что мириться больше с буднями нельзя".

Богатырь Данко /"старуха Гезергим"/, побеждающий чудовище тьмы, воплотил себе пафос новых людей. Легенда о Данко прозвучала, как гимн рев. подвигу, как песнь о борьбе за народ. Страшная легендарная тема окружала народ, ветви старого могущественного леса сплетались и дорогу преграждали непроходимые болота. Данко, в очак которого светилося "много силы и живого огня" открыл своему родному племени "море солнечного света и чистого воздуха промывтого

дождем." Он ради счастья своего народа жертвует своим сердцем, которое вспыхнуло ярким пламенем и "весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его". Человек-творец он не стремится смерти ради счастья других. Горький, воспевая сильного и гордого человека, зовет к подвигу, к борьбе: "В жизни всегда есть место подвигам", - говорит старуха Изергиль. И смысл человеческого существования в том, чтобы совершить подвиг "оставить после себя свою тень" в жизни, причем подлинно героическая жизнь - это жизнь для счастья своего народа. Данко, как воплощение самоотверженной любви к людям, является олицетворением представителя нового класса выступающего на борьбу класса пролетариата. Ему противостоит предельный индивидуализм и эгоизм Ларры, героя этого же произведения, но героя отрицательного. Глркий именно здесь более ярко выступает противником теории Ницше немецкого философа, проповедывавшего теорию господства над миром сверхчеловека, власти сильных над слабыми, что буржуазные теоретики пытались приписать и Горькому.

Образом Ларры "сына женщины и Орла", Горький развенчивает н..... новского "сверхчеловека" полубога, который по мнению Ницши, должны править миром, считаясь лишь с собственным "я" "Я хочу" - это закон, который Ларра желает претворить в жизнь. Это есть тот крайний индивидуализм, который проповедывался в буржуазном обществе. Ларра жесток и бесчеловечен. Замечательно то, что тягчайшим наказанием, какое придумал Ларре мудрец, было отпустить его на волю, ибо страшнее любой кары, утверждает Горький, - вечное одиночество, вечная отведененность от людей, от общества. Не сверхчеловек Ницши, а человек-гуманист привлекает и располагает к себе внимание прогрессивного человечества, строи-

телей нового общества побуждает тот, кто вместе с народом борется за счастье будущего. Бесславлен конец Ларры и подобных ему сверхчеловеков фашистской Германии, заслуживших самой тяжелой кары.

И горьковский Данко и горьковская девушка отличаются непоколебимой уверенностью в себе, в своей правоте, сомнениям и колебаниям нет места. Поэтому умирающий сокол вспоминает о своей жизни с чувством гордой удовлетворенности:

И славно пожил, я знаю счастье.

И храбро бился... я видел небо.

И в последние минуты, которые ему осталось жить, думы его попрежнему полны все тем же единым стремлением:

О, если б в небо хоть раз подняться.

Врага прижал бы я к ранам груди

И захлебнулся б моею он кровью.

Сокол умирает, но в песне смелых и сильных духом" всегда он будет "живым примером, призывом гордым к свободе, к свету" Безумство храбрых - вот мудрость жизни. Для Горького жизнь в борьбе наполнена счастьем, ибо лишь через борьбу пролетариат мог обрести счастье будущего, а там где нет борьбы, нет для него и жизни, а есть только скучное, бескрылов, обывательское прозябание Ужа, Чаек, Голар, которым "недоступно наслаждение битвой жизни", ибо "гром ударов их пугает", гром ударов надвигающейся бури - революции, о которой кричит режущий над седым от пены морем Буревестник, пророк победы: "Буря, скоро грянет буря." Буревестник предчувствует неизбежность гибели старого строя и победу нового: Он уверен, что не скроют

Тучи солнца. Нет, не скроют.

Вот почему:

Радость в смелом крике птицы, - призывающий

Пусть сильнее грянет буря.

"Песня о буревестнике" была воспринята всей Россией, как реванше манифест пролетариата. Ленин в статье "Перед бурей" и Сталин в прокламации "Ко всем рабочим" пользуются образами песни, как широко известными массам. Рос и креп рабочий класс, уже сплоченный под руководством своей партии, партии большевиков и вместе с ним рос и креп голос пролетарского писателя, который, по его же словам, становился также крепче и умнее", являясь голосом тех эксплуатируемых масс, которые уже не только ненавидели хозяев жизни, но и дошли до сознательной и непримиримой борьбы за право быть хозяевами жизни. Это было первым воплощением в литературе начинающегося подполья, выраженного пока еще в легендарных и сказочных очертаниях. Бунтарский дух, оптимистический характер горьковского романтизма сказался и на языке по существу, но включающие в себя элементы романтики реалистических рассказов, т.н. "босаяцкого цикла", в свое время много надуменного. Герои горьковских босаяцких рассказов были невиданными до того в русской литературе. Что привело Горького к босаякам". Критики реакционных кругов по своему осветили этот вопрос. Они считали, что Горького привлекли к себе "живописные допотопья" босаяков, как новая тема в литературе, которая создаст ему популярность "интересного" писателя. Т.е. их трактовка соответствовала их собственным взглядам - обеспечить свое положение для благополучного существования.

Слова горьковской статьи "о том, как я учился писать" помогают нам лучше понять смысл горьковских рассказов о босаяках:

51
"живя в среде мелкого ⁵¹вещиства, видя перед собою людей, един-
ственным стремлением которого было стремление жульнически вы-
сасывать кровь человека, сгущать ее в копейки, а из копеек ле-
пить рубли, я..." всем своим трепетом" возненавидел эту комари-
ную жизнь обыкновенных людей, покажем друг на друга, как медные
пятаки чекана одного года.

Боряки явились для меня "необыкновенными людьми". Необык-
новенно было в них то, что они люди "деклассированные", оторвав-
шиеся от своего класса, отвергнутые им, - утратили наиболее ха-
рактерные черты своего классового облика. Я видел, что хотя они
живут хуже "обыкновенных людей", но чувствуют и сознают себя
лучше их и это потому, что они не жаждут, не думают друг друга,
не копят денег".

Непосредственно связаный с авангардом демократии, с пар-
тией большевиков и, наконец, с ее вождем В.И. Лениным, принимав-
шим деятельное участие в его судьбе, Горький с его талантом
смог ярко отразить в своем творчестве наступающую силу рабочего
класса России. Горький понял, что реальным Данко является ра-
бочий-революционер "хозяин жизни кто трудится", - таков вывод
Горького после длительных "поисков". Рабочий Нил /"Мещанин"/
знает, что правда победит и трудящиеся со временем будут хо-
зяевами жизни. И разве не сердце Данко бьется в груди маши-
ниста Нила: я знаю, что жизнь тяжела, - говорит Нил, что порой
она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жмет
и давит человека, я знаю это - и это мне не нравится, возму-
щает меня, я этого порядка не хочу. Я знаю и то, что я не
богатырь, а просто честный, здоровый человек и все-таки го-
ворю: ничего нам не возьмет. И на все средства души моей

удовлетворю мое желание - вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и этак, тому - помещать, этому помочь... вот в чем радость жизни".

Горький глубоко верит в человека, творца разумной действительности и поет гимн ему в поэме "Человек". Это человек, символизирующий силу и мощь народа он "движется все выше и вперед звездною путеводной для земли... по пути к победам над всеми тайнами земли и неба. Идет он, орошая кровью сердца свой трудный гордый путь и каждым шагом украшает землю, как солнце щедрыми лучами. И выше. И вперед. К победе - вот конечный пункт шествия человека. Вот к чему зовет активный, реп.романтизм Горького, заявляющего: "Человек - это звучит гордо". Таков путь Горького, как реп.романтика, в его раннем творчестве. Нельзя не отметить, что мотивы и настроения реп.романтики Горького определили и особый стиль, особую художественную манеру писателя. Художественные черты, соответствующие его романтическим устремлениям: смелая фантастика, гиперболы образов, глубокая эмоциональность, лиризм, Горький нашел в народном творчестве. Характерны яркая красочность, резкая контрастность образом /Сокол и Ух, Ларра и Данко/, торжественно-декламационная окраска речи, насыщенной живописными метафорами, сравнениями, эпитетами, гиперболами. Горький часто прибегает к символу, но его символические образы ничего общего не имеют с образами поэтов-символистов: мировоззрение Горького материалистично, его символ лишен двусмысленности, содержание отчетливо и устойчиво. /символ от воли и свободолюбия - Сокол и др./ . Романтическим образам людей и природы свойственна красота, красота возвышающая, активизирующая, яркие и звонкие цвета, живописное описание

чтобы спасти народ, а разве не сердце Данко билось в груди Александра Матросова, подставившего свою грудь под пули ради блага своего народа, своей отчизны. Горьковский Сокол был "живым примером, призывом гордым к свободе, к свету" в дни революции 1905 года, 1917 года, в дни Великой отечественной войны. Неслучайно, нарисовав картину борьбы краснодонцев в произведении "Сердца смелых" автор взял эпиграфом слова: "Из капли крови твоей горячей, как искры вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумный жалобой свободы, света." Зажигали".

Романтический пафос Горького всегда звучит, когда надо передать героину революции, красоту и величие соц. человека. Романтика Горького всецело основывалась на почве реализма, ибо противоречия между романтизмом и реализмом стираются, когда романтизм перестает быть достоянием одиночек, а начинает пронизывать всю жизнь народа. Романтика Горького давала изображение завтрашнего сегодня. В статье "О бойкости" Г. пишет "Рев. романтизм - это, в сущности, псевдоним соц. реализма, назначение которого не только критически изобразить прошлое в настоящем, но, главным образом, способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей соц. будущего". Новое соц. искусство, прежде всего, характеризуется слиянием реализма с романтикой, по мысли Горького "в нечто третье, способное изображать героическую современность более яркими красками, говорит о ней более высоким и достойным ее тоном. Примером может служить роман "Мать". В тщательно выписанное реалистическое полотно рабочей жизни Горький смело вт... яркие романтические нити. Так строил Горький свои произведения, сливая в единое целое реалистическую правду, изображения и высокую романтическую н..., создавая новое героическое искусство соц. реализма.-

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	стр.
1. Предисловие	I
2. Ко дню Победы ..... Г. Брусильин	3-4
3. Снова студент - Т. Чернов	5-15
4. Почему Пушкин с нами - Г. Брусильин	17-18
5. Предсмертный монолог Пушкина В. Голубев	18-20
6. День дуэли - А. Толмачев	21-24
7. На Забайкальских рубежах - Т. Чернов	25-34
8. Весна - В. Захаров	35-36
9. Сирень - А. Толмачев	36-37
10. Боевая сестра - А. Романов	37-38
11. Птицы стальные - Скрипченко	38-39
12. Революционная романтика в раннем творчестве А.М. Горького - Подласенко	41-54.

Библиотека Горького ПЕДИНСТИТУТА	Илл. № ~~717~~ 37 46037
-------------------------------------	--------------------------------

